

We felt it was important to choose the view of Aiu–Dag Mountain where in Artek children from all over the world come to rest and enjoy the unique beauty and fascinating landscape of the Crimea.

We believe that everybody should see magnificent historical and architectural Livadia Palace Museum where the conference of the leaders of the USSR, the USA and Great Britain was held, Count Vorontsov’s Palace Museum in Alupka. It is impossible to include all Crimean historic attractions as the poster is rather small.

We all thought we ought to include the image of food or drink. Whenever people come to Crimean resort houses they greatly appreciate all sorts of fruits and vegetables and worldwide known Massandra wine. So we decided on this to represent Crimean food and drink.

3. Crimean Culture to day.

We did not think it would be a good idea to include one particular Crimean singer, actor, painter or some band because there are so many of them in the Crimea.

We were all determined to include a sport because some World Olympic Champions come from the Crimea. So we opted for the photos of K. Serebryanskaya and A. Klochkova.

4. A Country of Cultures.

Finally, we made a unanimous decision to put ourselves in the poster because we represent different nationalities, so the Crimea is a home place for more than one hundred nations and ethnic groups. The most important thing for the Crimeans today is to be tolerant and live in peace. We considered that it was really important to show that the Crimea is a multi-cultural community which makes it such a fascinating place to live in. What is more we believe that young people have an important part to play in Crimean life.

Writing a report.

While brainstorming images in groups, students may need different ways of expressing similar ideas. It is important to use a variety of ways of repeating similar ideas. Here are some phrases.

– We felt it was important to choose	– Show \ traditional images
– We chose	– Stand for \ the whole country
– We decided not to include	– Do not symbolize \ other tourist images
– We agreed that we should include	– Says something about \ an umbrella
– We all thought we ought to include	– Is a traditional image of \ food
– We decided on this	– To represent \ fruits and vegetables
– We did not think it would be a good	– Give an idea of \ champions idea to include
– Have an important part to play in \ young	
– We made a unanimous decision people	–We believe that
to put	
– We opted for	– We considered that

Источники и литература

1. Душеина Т.В. Проектная методика на уроках иностранного языка // ИЯШ. – 2003. – № 5.
2. Кочетурова Н.А. Метод проектов в обучении иностранному языку. Материалы региональной научно-практ. конф. – Новосибирск, 2003.
3. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // ИЯШ. – 2000. – №2,3.
4. Gude K. Matrix (level 5). Oxford University Press, 2002.

Гриценко И.П.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В КОННОТАЦИЯХ ЭТНОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В течение последнего десятилетия появилось немало количество исследовательских работ посвященных вопросу взаимосвязи коннотаций этнонимов и стереотипных воззрений носителей языка по отношению к представителям других этнических общностей, что, несомненно, свидетельствует о его актуальности в системе современной лингвокультурологии. Языковые стереотипы можно реконструировать на основе анализа коннотации, проявляющейся в полисемии, словообразовании, коллокациях и фразеологизмах.

Однако не все употребления этнонимов прямым образом отражают этнические стереотипы. В рамках средств этнономинии можно условно выделить языковые единицы, которые либо занимают нейтральную позицию по шкале эмоциональной окраски, либо лишены отрицательных коннотаций. Эта группа представлена не только официальными этнонимами, выполняющими функцию обозначения этнической принадлежности человека, но и этнонимами, а также отэтнонимическими дериватами, имеющими терминологический характер и функционирующими в качестве маркеров (гипотетического) происхождения какого-либо предмета или явления объективной реальности. Последние чаще всего представлены названиями продуктов питания, образцов флоры и фауны, предметов и изобретений:

French salad – французский салат; *Scotch whisky* – шотландский виски; *Turkish coffee* – кофе по-турецки; *American ash* – ясень американский; *Chinese myrtle* – мирт китайский;

German shepherd – немецкая овчарка; *Australian crow* – австралийский ворон; *Irish Setter* – ирландский Сеттер;

Greek vase – греческая амфора; *Italian Lire* – итальянская лира; *French window* – французское окно.

В отличие от нейтральных, эмоционально–окрашенные этнонимы выполняют функцию экспрессивной номинации лиц или сообществ отличных по этническому признаку, что подразумевает их реализацию в рамках аксиологических коммуникативных стратегий. Неоднозначность терминологического аппарата, характерная для лингвистики в целом, проявляется и в отношении средств этнономинации. Введенный А.А. Робаком в книге «A Dictionary of International Slurs» (1944 г), термин *этнофобизм* (*ethnofaulism*) получил достаточно широкое распространение как в западной, так и в славянской лингвистической традиции (Мокшин, 1991, Пренко, 2004), чего нельзя утверждать в отношении термина *эктроним* (*ecthronym*), предложенном Эриксеном (Ericson, 1939). Высококачественным термином в англоязычной литературе можно считать *ethnic slur* (Kenneth G. Wilson (1993), Avner Ziv and Anat Zajdman (1993), Lillian C Garcia (1976). Наряду с указанными, существует также термин *этнофобизм* (Свяжук Ю.В., 2005), некоторые исследователи настаивают на термине *экспрессивный этноним* (Гриценко А.И., 2006). В данной статье предпринимается попытка создать языковой портрет голландцев с точки зрения англичан (на номинативном материале британского варианта английского языка), придерживаясь оппозиции официальный (нейтральный) этноним – экспрессивный этноним.

Основой для экспрессивной характеристики представителей иного этноса носителями языка может выступать ряд самых разнообразных факторов (особенности поведения и мышления, образ жизни, внешний вид, гастрономические предпочтения). Следует отметить, что «проработанность» языкового портрета иностранцев и, как следствие, количество и детализация аспектов жизнедеятельности иных этносов зависят не только от экстралингвистических, но и от собственно лингвистических причин. Экстралингвистический фактор подразумевает исторический, политический, и религиозный контекст взаимоотношений носителей языка и представителей иного этноса. Впечатляющее количество экспрессивных этнонимов и их производных с семантическим ядром *Dutch* в английском языке объясняется ожесточенным соперничеством представителей этих этносов за морское превосходство и контроль путей сообщения с территориями в индийском регионе в 17 веке. В период с 1652 по 1674 год Англия и Голландия трижды вступали в вооруженный конфликт с целью установления господства на морских просторах, причем Голландия оказалась могущественным соперником, что, несомненно, послужило причиной возникновения устойчивых негативных коннотаций исследуемого этнонима. Следует отметить, что до этих событий английский язык не отличался обилием подобных фактов. Кроме того, собственно этноним содержит в себе значимую для концептуального анализа информацию и здесь стоит упомянуть экспрессивную звукоимовую, характеризующую прилагательное *Dutch*, на которую указывает Березович Е.Л. «звукоизобразительная пейоративность вследствие наличия условно лабиального гласного [ʌ] усиливается за счет того, что соответствующий слог относится к периферийному для английского языка типа слогов»[1, с.242]. Также имеет значение диффузная семантика данного этнонима «...сохранившаяся до сих пор тенденция к обозначению с его помощью не конкретной национальности, а группы народов, в данном случае – континентальных германцев»[1, с.243].

Согласно данным этнопсихологии, соседствующие этносы всегда занимают особое место в картине мира друг друга, при этом на первый план выходит исконная оппозиция мы – они, свой – чужой. «Мы» обуславливает характер действий и тип реакции на ту или иную конкретную ситуацию как единственно возможный и потому правильный, с точки зрения картины мира, присущий данному этносу. При этом этнический смысл чужого подразумевает, что мы имеем дело с реальностью существ, внешне подобных нам самим, но не имеющих ничего общего с утвердившимися в нашем обществе типами социально значимого поведения. Чужое демонстрирует нам то, чем мы не являемся, представляя собой некую сферу, чуждую нашему культурному опыту, и потому воспринимаемую как внекультурное, «варварское» существование.

Естественным образом данная ситуация находит отражение в языковой картине мира, английский языковой материал не оставляет сомнений в особом внимании англичан к жителям Ирландии, Уэльса, Шотландии и т.д., при этом количество и результат противостояний непосредственно влияют на этнические коннотации и соответствующие им этнокультурные стереотипы. Этнопейоративные характеристики реализуются в словообразовательном деривате *Dutchman* (голландец)[4], который значится в списке “ethnic slurs” в словаре А.А. Робака для обозначения человека, имеющего германские корни.

Важным источником концептуальной информации являются этнонимы–прозвища или прозвищные этнонимы, которые трактуются как «факультативные, менее употребительные наименования того или иного этноса, возникшие в результате разведения внутренних и внешних этнонимов [2, с.8]. Ядром номинативной модели этнического прозвища *Froglander* (житель страны лягушек, голландец)[5] является место обитания этноса-референта. В качестве номинативного признака прозвищных этнонимов голландцев также выступают их гастрономические предпочтения (отражающие наивные представления носителей языка о кулинарных предпочтениях своих соседей), например *cheese-eaters* (поедатели сыра); *kraut* (кислая капуста), который распространяется также и на немцев; *cheese-head* с семантическим значением (круглая головка болта, тех.) в результате переосмысления приобретает значение “глупый и несдержанный человек”, отмеченное в словаре пометой “сленг”[5]. От этнонимического семантического деривата *Dutchie* [8] имеет лексикографически закрепленное переносное значение «сигарета с фильтром, содержащая табак и марихуану» и отражает значительно более позднее стереотипное представление, согласно которому голландцы регулярно употребляют наркотические средства (стереотип появился во второй половине 20 века в связи с легализацией “легких” наркотиков).

Характерно, что одно из значений этнонима *Dutch*, снабженное в словаре пометой “сленг”, перосмыс-

лено как *anger or temper* (гнев, ярость, скверный характер) [6], что неизбежно вызывает ассоциации с тем же значением этнонимической единицы *Irish* и напоминает об истории кровопролитных сражений «гневных» ирландцев и голландцев, выявляя стереотип их «врожденной» воинственности. Мотив яростного темперамента и склонности к созданию конфликтных ситуаций прослеживается также в выражениях *to get(have) one's Dutch up* (поднять в себе голландца)[7], ср. *to get one's Irish up* с аналогичным значением; *to be in Dutch with someone* (конфликтовать с кем-либо)[6]. Такие детали языкового портрета как несдержанность, свирепость и беспардонность проявляются в словосочетании *Dutch uncle* (голландский дядя), который громко выражает свое негодование, резко критикует и поучает на публике[11].

Аксиологическая категоризация поступков жителей Голландии как эксцентричных и странных порождает выражение *to beat the Dutch* (превзойти, "переплюнуть" голландца) [6]. Непредсказуемость, неуправляемое и в целом непонятное поведение этноса-референта могут вылиться даже в такие крайности как *to do the Dutch / Dutch route / Dutch act* (совершить самоубийство) [7], а словосочетание *Dutch cap* в одном из словарей [8] переводится "совершите самоубийство, выстрелив себе в рот" (хотя в ряде других [9] имеет значение "противозачаточный колпачок" и связано, вероятно, со стереотипами 20 века, спровоцированными легализацией проституции и сексуальной раскрепощенностью в целом). К этой же серии представлений можно отнести и выражения со словарной пометой "табу" *Dutch widow/ wife* (проститутка) [9], *Dutch girl* (лесбиянка)[9].

Негативные черты и характеристики проецируемые на образ «врага» в целях сохранения положительного «мы»-образа (согласно концепции архетипической тени К.Г. Юнга) порождают мотив пьянства и алкоголизма. Эта социальная характеристика образа жизни голландцев актуализируется в устойчивых выражениях *Dutch lunch* (пиво, заменяющее обед) [8], *Dutch bargain* (торговая сделка, заключенная в состоянии алкогольного опьянения)[7], *Dutch headache* (похмелье) [11], *Dutch feast* (праздник, на котором хозяин утрачивает трезвость раньше гостей) [7]. *Dutch concert* [10] описывает неслаженный гул пьяных голосов, какофонию. Известно, что "гетеростереотип говорит больше не столько о референте этнонима, связанного со стереотипом, сколько о создателе и пользователе стереотипа"[3, с.66]. *Dutch courage* (смелость во хмелю)[6] опять же трактуется как (ложная, временная храбрость, появляющаяся под воздействием алкоголя) и представляет собой попытку носителей языка восстановить положительную самооценку после поражения в военном и торговом противостоянии. В результате подобных попыток возникла особенность языкового видения голландцев как трусливых людей, склонных к предательству, готовых сдаться и дезертировать при малейшей возможности: *Dutch defense* (капитуляция) [11], *to Dutch* (дезертировать, сдаться)[7].

Языковой портрет голландца также выявляет такие черты характера как скупость и жадность. В английской шутке *How was copper wire invented? Two Dutch men were fighting over a penny* (Как изобрели медную проволоку? – Два голландца дрались из-за пени), представители этноса-референта одновременно предстают жадными и задиристыми. В целом мотиву алчности и корысти соответствует большая сема практически в каждом из привлекаемых словарей. Такое понятие как *to go Dutch* (угощение или развлечение, при которых каждый платит за себя) [6–11] получило международную известность и детализировалось в производных *Dutch treat* (угощение при котором каждый платит за себя) [11], эти же условия отличают *Dutch supper/luncheon/lunch/dinner/picnic/date* [11]. *Dutch rider* (голландский пассажир) в целях экономии не пользуется собственным автомобилем, предпочитая ездить автостопом или просить знакомых отвезти в нужное место [8].

Наделяя себя тонким умом и сообразительностью, англичане по принципу бинарной оппозиции характеризуют голландцев как недалеких, странных и ограниченных. Для *Dutch reckoning* (голландский финансовый отчет, голландские вычисления)[7] характерно полное отсутствие деталей и несоответствие реальности, *Dutch auction* (голландский аукцион)[6–11] отличается тем, что стартовая цена является максимальной и постепенно снижается. *Dutchman's anchor* (голландский якорь)[7] символизирует, что самый важный момент (аспект) упущен из виду и представляет собой аллюзию на притчу о голландском капитане, который потерял свой корабль, потому что забыл якорь. Согласно словосочетанию *Dutch crossing* (переходить улицу по-голландски)[7] англичане считают, что их соседи предпочитают переходить улицу только по диагонали, *Dutch hacker* [8] голландские хакеры выводят из строя исключительно компьютеры в библиотеках, а герундий *dutching* [8] делает раздражающую манеру прерывать собеседника, пытаясь доказать его неправоту и не приводить при этом достойных аргументов, типичной чертой характеризуемого этноса.

Субъективное восприятие этноса-референта проявляется в общей негативной оценке и характеризуется мотивами "неправильный", "непонятный", "убогий". От этнонимического прилагательного *Dutch* в составе следующих лексем подразумевается дешевую замену: *Dutch metal* (голландское золото – сплав меди с цинком) [10], *Dutch carpet* (голландский ковер – половик из грубой полушерстяной ткани)[9], *Dutch barn* (сарай – навес для сена или соломы)[9]. Мотив убогости имплицитно включен в ряд устойчивых словосочетаний с рассматриваемым этнонимом *Dutch door* (голландская дверь, горизонтально разделенная на две части)[7] подразумевает, что ее обладатели жили или живут в сарае, которые традиционно оборудовались такой дверью; *Dutch nightingale* (голландский соловей)[7] – жаба, *Dutch turnpike* (голландская скоростная магистраль, платное шоссе)[7] представляет собой дешевую бревенчатую дорогу; *Dutch gold* (голландское золото) [8] – дешевое пиво; *Dutch oven* (голландская духовка) [7] сложена из кирпичика. Коннотативный фон этнонима *Dutch*, реализованный в противопоставлении привычному, понятному и потому правильному образу жизни, материализуется в выражениях: *Dutch comfort/consolation* – (слабое утешение) [10], *Dutch Glove* (голландская перчатка) [8]–внешне привлекательный товар/предмет низкого качества, *Dutch praise* (голландская похвала) [10] – осуждение, *Dutch luck* (голландская удача) [8] – 1. невезение, 2. незаслуженная удача (ср. с *Irish luck*), *Double Dutch* [10] – тарабарщина, непонятный язык или речь.

Суммируя все вышеизложенное, следует отметить, что языковой портрет голландца глазами англичан не содержит информации о месте проживания и внешности. Весьма немногочисленно представлены гастрономические предпочтения и особенности речи (соответственно 3 и 1 этнонимические единицы в устойчивых словосочетаниях). В результате анализа этнонима и его дериватов были выявлены мотивы агрессивности, непредсказуемости, пьянства, глупости и скупости. Характерной и значимой особенностью реконструированного языкового образа является обилие таких отличительных черт как непонятность, неправильность, убогость, ложность, что свидетельствует о его значительном сходстве с архетипическим образом “чужого” в обыденном сознании. Негативные коннотации, присущие подавляющему большинству случаев употребления этнонимов выявляют общую субъективную оценку носителей языка. Однако баланс негативных и позитивных коннотативных оттенков экспрессивных этнонимов может меняться в зависимости от исторической эпохи, экономической и политической ситуации.

Источник и литература

1. Березович Е.Л., Гулик Д.П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации//Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С.232–253.
2. Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Б. Воронцова ; Урал. гос. Ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 21 с.
3. Кашкин В.Б., Пейхёнен С. Этнонимы и территория национальной души// Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 62–70.
4. Roback A.A. A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. – 2 nd edition, reprint. – Waukesha (Wisconsin): Maledicta Press, 1979.
5. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms, Catch-phrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames and Vulgarisms. N.Y., 1983
6. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 4th edition, New York, 2000. – 8652 стр.
7. Rawson’s dictionary of wicked words. – New York: Crown Publishing, 1989
8. Urban Dictionary: Street Slang Defined by Aaron Peckham. N.Y.,2004
9. Multitran Automatic Dictionary <http://www.multitran.ru>
10. Morris Dictionary of Word and Phrase Origins. 2nd edition: Harper and Row, 1988.
11. Encyclopedia of Word and Phrase Origins by Robert Hendrickson (Fact on File), New York, 1997

Мазинов А.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ КРЫМА

Постановка проблемы. Исследование случаев морфологической и лексико-семантической трансформации заимствованных лексем в крымскотатарском языке и в других тюркских языках Крыма – достаточно сложная и неоднозначная задача. Какие из имеющихся случаев трансформации необходимо отнести к фонетическим изменениям, и какие виды адаптации заимствованной лексики можно определить как морфологическую трансформацию? Задача осложняется отсутствием достаточно чёткого определения понятия «морфологическая трансформация». Какие критерии следует использовать при классификации случаев лексико-семантической трансформации?

Цель данной статьи – описание основных случаев морфологической и лексико-семантической трансформации грецизмов в региональных языках Крыма.

Как одну из первых попыток описания морфологической обусловленности, вероятно, следует рассматривать высказанное на Первой международной конференции по историческому языкознанию, проходившей в 1973 году в Эдинбурге, Л. Кемпбелом мнение: «... автор приходит к выводу о необходимости оговорки в связи с понятием морфологической обусловленности звукового изменения. Влияние морфологии не является самостоятельным фактором и должно получить функциональное объяснение. Сущность морфологической обусловленности автор видит в том, что она вступает в действие лишь тогда, когда ничем не ограниченное звуковое изменение грозит уничтожить важное морфологическое различие» [1, с. 92].

На наш взгляд, именно грамматическая обусловленность изменений, произошедших в выделенных грецизмах и итализмах, позволит говорить о морфологической трансформации заимствованных слов.

В работах А.М. Меметова в качестве морфологической трансформации рассматривается функционирование заимствований в крымскотатарском языке, грамматическое изменение слов при их употреблении в речи носителей [2]. А.Н. Гаркавец под морфологической трансформацией подразумевает восприятие тюркскими языками тех или иных морфологических черт соседствующего греко–румейского языка (утрата отдельных падежных форм и др.) [3, с. 54].

При определении случаев морфологической трансформации возникает проблема дефинирования конечных гласных звуков и слогов в крымскотатарских заимствованных лексемах, возникших в результате замены греческих и итальянских окончаний как ауслатных слогов или как полноценных аффиксов, имеющих грамматическое значение. В первом случае, как уже отмечалось, трансформацию необходимо будет трактовать как сугубо фонетический процесс, во втором случае мы имеем морфологическую трансформацию